

doi:10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА БУХАРЦЕВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVIII–XIX вв.*

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Юридический факультет
Промышленная ул., 17, Санкт-Петербург, Россия, 198099

В статье анализируется правовое положение «бухарцев», то есть выходцев из Средней Азии, принимавших российское подданство или постоянно приезжавших в Россию для ведения торговли. Эта категория населения (в большей мере социальная, чем этническая) стала формироваться в Московском государстве в первой половине XVII в., а в XVIII–XIX вв. пользовалась значительными льготами и привилегиями, поскольку бухарцы являлись основными посредниками в установлении и развитии отношений Российской империи со среднеазиатскими государствами. Они были освобождены от уплаты многих налогов и сборов, несения повинностей (в т.ч. воинской), властям предписывалось оказывать бухарцам всяческое содействие и не чинить никаких препятствий в их торговой деятельности. Бухарцы судились собственными судами, действовавшими на основе шариата и обычного права, лишь в отдельных случаях их дела были подсудны имперским судебным инстанциям. Они имели право на самоуправление (ратуши в городах и целые волости) на основе собственных административных и правовых традиций. Принадлежность бухарцев к исламу никоим образом не ограничивала их права и льготы, хотя обращение в христианство приветствовалось властями. Определенные привилегии также были установлены и для бухарцев, приезжавших в Россию для торговли (включая охрану торговых караванов русскими войсками, право жениться на русских подданных и даже брать жен и детей с собой в Бухару и т.д.). Впоследствии роль бухарцев как посредников между Российской империей и Средней Азией уменьшилась, что сопровождалось сокращением их привилегий специальными законодательными актами. Они были обложены налогами и в целом приравнены по положению к «иностранцам», находившимся в подданстве Российской империи, однако эти изменения были постепенными. Эволюция российской политики в отношении бухарцев анализируется на основе материалов Полного собрания законов Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя; Средняя Азия; бухарцы; Полное собрание законов Российской империи; налоговые льготы; таможенные сборы; местное самоуправление

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14–03–00322. Текст представляет собой расширенный и дополненный вариант доклада, представленного на Международной конференции «Трансграничные миграции с Востока на Запад, в Россию и на Восток: прошлое и настоящее» (Москва, ИВ РАН, 21–23 ноября 2016 г.). Текст доклада не публиковался.

І. ВВЕДЕНИЕ

Особый статус бухарцев (а этим термином обозначали не только уроженцев Бухарского ханства, но и других выходцев из Средней Азии, проживающих или пребывающих в течение длительного времени на территории России) стал складываться уже на рубеже XVI–XVII вв., когда в состав Московского государства вошло Сибирское ханство, и многие выходцы из среднеазиатских государств предпочли принять российское подданство и продолжать вести свои дела под властью Москвы точно так же, как делали это при сибирских ханах-Шибанидах [1. Р. 67, 70]. Естественно, московские власти должны были определить статус своих новых подданных, который и нашел закрепление уже в ряде правовых актов первой половины XVII в. Однако наиболее подробно правовое положение бухарцев стало регламентироваться в XVIII–XIX вв., т.е. в период Российской империи. При этом совокупность прав, льгот и обязанностей бухарцев позволяет сделать вывод, что этот термин обозначал не только (и не столько) этническую принадлежность, но и правовое положение, т.е. являлся в большей степени соционимом, чем этнонимом.

Различные аспекты правового статуса бухарцев в России имперского периода уже становились предметом исследования специалистов, правда, чаще рассматривавших их в историческом, а не в историко-правовом контексте. Так, Х.З. Зияев, О. Бартон, Р.Н. Гизатуллин, Ф.Ф. Марганов и ряд других исследователей обращались к вопросам особенностей статуса бухарцев в Сибири при изучении их социально-экономического положения [1. Р. 41–85; 2; 3; 4; 5]. Другие специалисты, в частности С.Н. Корусенко (в т.ч. в соавторстве с коллегами), исследовали проблемы этнической и генеалогической истории сибирских бухарцев, опираясь и на историко-правовые источники [6; 7]. В значительной степени вопросы правового положения бухарцев в Российской империи нашли освещение в работах Г.Т. Бакиевой и К.Р. Ишбулдиной, однако первая в большей степени сосредотачивается на нормах и принципах обычного права сибирских народов (в том числе и бухарцев), делая акцент на этнографической составляющей [8], вторая же анализирует правовой статус бухарцев в контексте российской имперской политики в Сибири в целом [9; 10]. При этом исследователи опираются преимущественно на архивные материалы, содержащие правовые акты региональных властей, сведения обычно-правового характера и т.д., и в весьма малой степени привлекают имперское законодательство, определяющее положение бухарцев и отражающие политику Российской империи в отношении выходцев из Средней Азии.

Между тем подробный анализ этих документов позволяет достаточно полно осветить правовое положение бухарцев в России и его эволюцию в контексте центрально-азиатской политики Российской империи. В связи с этим представляется целесообразным анализ соответствующих нормативных правовых актов, включенных в «Полное собрание законов Российской империи» (*далее —*

ПСЗРИ), хронологический принцип построения которого в значительной степени облегчает анализ изменения политики России по отношению к бухарцам в разные годы.

Несомненно, писаное законодательство не всегда объективно отражает правовые реалии, поскольку представляет собой некое «идеализированное» представление законодателя о том, как должны складываться правоотношения в той или иной сфере, тогда как на практике они могут развиваться совершенно иначе¹. Тем не менее, привлечение актов из ПСЗРИ в контексте настоящего исследования представляется вполне оправданным, поскольку предметом исследования является именно имперская правовая политика по регулированию статуса бухарцев и постепенному его изменению. Соответственно, в статье предпринимается попытка анализа правовых актов, регламентировавших правовой статус бухарцев в России и его изменения и выяснения, в какой степени эти изменения соотносились с позицией Российской империи в отношении среднеазиатских ханств.

II. СВОБОДА ТОРГОВЛИ И ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Интерес к бухарцам, пребывавшим и проживавшим на территории России, в значительной степени объяснялся тем, что в течение долгого времени Московское царство, а затем и Российская империя не имели возможности наладить постоянные контакты с государствами Средней Азии, перспективы сотрудничества с которыми (особенно в торговой сфере) прекрасно осознавались российскими правящими кругами. В результате сибирские бухарцы на протяжении всего этого периода рассматривались как своеобразные посредники между Россией и своими государствами — Бухарой, Ташкентом, Восточным Туркестаном (который в российской имперской географической традиции именовался «Малой Бухарией»). Более того, еще по замыслу Петра I они должны были обеспечить развитие торговых связей России с Индией и даже с Китаем [1. Р. 78; 11. Р. 37, 156; 12. Р. 18]². В связи с этим еще в первой половине XVII в. им были предоставлены многочисленные льготы и привилегии, обусловившие развитие их коммерческой деятельности на территории России и приток их земляков в российские владения [3. С. 30–31; 14. Р. 50].

¹ Проблема соотношения «писанного» и «живого» права, т.е. фактически складывающихся правоотношений, неоднократно привлекала внимание правоведов-теоретиков (см., напр.: [13. С. 624–626]).

² Стоит отметить, что подобная «посредническая функция» выходцев из среднеазиатских ханств с сих собственными государствами, а также и с другими странами оказывалась востребованной не только в Московском царстве и Российской империи. Аналогичную деятельность бухарцы осуществляли и в Восточном Туркестане, выступая в качестве посредников между Джунгарским ханством в Западной Монголии и китайской (маньчжурской) империей Цин, поскольку напряженные политические отношения этих государств не позволяли им осуществлять экономическое взаимодействие напрямую [15. Р. 95–96].

Соответственно, самые первые акты ПСЗРИ, касающиеся правового статуса бухарцев, регламентируют вопросы содействия им в торговой деятельности и предоставления разного рода льгот именно в этой сфере. Так, подтвердительная жалованная грамота бухарцам «На свободный проезд в Казань, Астрахань и поморские города по торговому промыслу», выданная 17 сентября 1686 г. от имени царей Ивана V и Петра I и правительницы царевны Софьи (она подтверждала грамоту их деда, царя Михаила Федоровича 1642 г.), предписывала российским властям не препятствовать тобольским (т.е. сибирским) бухарцам торговле в разных городах России — от Астрахани и Казани до Архангельска, Колмогор и Соликамска. Более того, им позволялось требовать от властей подводы под товары, а воеводам запрещалось задерживать их, вымогать взятки и причинять иные «убытки и оскорбления»³.

Со временем, по мере увеличения притока в Россию торговцев из Азии, политика в отношении их ужесточалась, что также было на руку бухарцам, принявшим российское подданство. Так, в Наказе Петра I терскому воеводе князю М.А. Волконскому «Об управлении казенными, земскими и военными делами» от 14 мая 1697 г. астраханским властям предписывалось у купцов из Средней Азии принимать товары на таможене, а дальнейшую их реализацию в России поручать российским торговцам. Однако если с такими товарами прибывали русско-подданные бухарцы, им позволялось самим торговать и в других российских регионах⁴.

Покровительство российских властей выходцами из Средней Азии повышало заинтересованность последних в переезде в Россию. В конце XVIII в. их число настолько увеличилось, что в 1789 г. генерал-прокурор А.А. Вяземский направил запрос Екатерине II относительно возможности принятия их в российское подданство. Запрос послужил основанием для издания именного указа «О дозволении ташкентцам и бухарцам переселиться в Россию» от 3 ноября 1789 г., в котором императрица отвечала А.А. Вяземскому: «Рассмотрев изъявленное в записке вашей желание ташкентцев⁵ и бухарцев переселиться в пределы империи нашей, мы не находим никаких препятствий к удовлетворению оногo». Более того, она также особо оговорила, что бухарцы имеют такое же право и на свободный выезд на родину при соблюдении, впрочем, условий, на которых допускался переезд и русских горожан из города в город⁶.

³ ПСЗРИ. Т. II. СПб., 1830. № 1209. С. 816–817.

⁴ ПСЗРИ. Т. III. СПб., 1830. № 1585. П. 21. С. 316.

⁵ Следует отметить, что во второй половине в связи с расширением представлений о географии и политической ситуации в Средней Азии в российских нормативных актах наряду с «бухарцами» начинают фигурировать, в частности, также и «ташкентцы».

⁶ ПСЗРИ. Т. XXIII. СПб., 1830. № 16814. С. 93. Этот порядок предусматривался ст. 129 неизвестной Грамоты на права и выгоды городам Российской империи (более известной как «Жалованная грамота городам») 1785 г. и предписывал всем переезжающим выплатить все имеющиеся у них долги и установленную городом подать за 3 года, см.: ПСЗРИ. Т. XXII. СПб., 1830. № 16187. С. 380.

III. ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ И СУДА ДЛЯ БУХАРЦЕВ

Рост количества бухарцев в российских владениях вызвал вопрос о целесообразности создания условий их «компактного проживания» в соответствии с их обычаями и традициями, в том числе и в сфере управления и правового регулирования отношений. При этом поначалу бухарцы стремились жить именно в русских городах. В связи с этим 11 октября 1703 г. был принят приговор Сибирского приказа «О переводе татар и бухарцев из Тобольска на Панин бугор и о наблюдении, чтобы мечети их от русских церквей построены были в отдаленности, и чтобы во время божественной службы соблюдаемо ими было благочиние», согласно которому бухарцам разрешалось проживать в Тобольске вместе с русскими — равно как татарам и прочим «иноземцам»⁷. Однако со временем власти сочли целесообразным создание обособленных мест поселения выходцев из Средней Азии.

С самоуправлением бухарцев напрямую был связан и вопрос об их подсудности. И в этом отношении российские власти в течение длительного времени шли навстречу своим подданным, в содействии которых для укрепления отношений со Средней Азией так нуждались. В соответствии с вышеупомянутой грамотой Ивана V, Петра I и царевны Софьи 1686 г. бухарцы не были подсудны русским судам — «опричь заемных кабал и татиных и разбойных дел с личным»⁸.

9 декабря 1787 г. Екатерина II направила пермскому и тобольскому генерал-губернатору, генерал-поручику Е.П. Кашкину именной указ «Об оставлении тобольских бухарцев и ташкентцев на том самом основании, на каковом они были до открытия наместничества», в котором специально подчеркивалось, что преобразование Сибирской губернии в наместничество не умаляет прав и привилегий местных бухарцев⁹. Им по-прежнему позволялось взаимодействовать по торговым вопросам с городскими магистратами и разрешать имущественные споры в «словесных судах» на родном языке. И что самое главное, впервые было нормативно закреплено право бухарцев на создание собственных

⁷ ПСЗРИ. Т. IV. СПб., 1830. № 1946. С. 226. Не вполне корректный термин «иноземцы» применялся в отношении местного населения «национальных окраин» Российской империи до первой четверти XIX в., когда он был заменен термином «инородцы», который употреблялся уже вплоть до падения империи [16. Р. 188].

⁸ ПСЗРИ. Т. II. № 1209. С. 816.

⁹ Надо полагать, поводом для издания такого указа послужило существенное расширение полномочий вновь назначаемых генерал-губернаторов (наместников) по сравнению с прежними губернаторами в результате реформы 1775 г., что могло найти отражение в усилении контрольной функции региональных администраторов над органами местного самоуправления и, соответственно, урезанием полномочий последних [17. Р. 19].

органов местного самоуправления при наличии значительной численности бухарцев: «покуда, с умножением числа их, могут и пожелают они сами иметь собственную ратушу, сообразно правилам, в Учреждениях наших об управлении губерний изображенных»¹⁰. На основании этого указа в дальнейшем в Сибири стали появляться не только городские органы самоуправления бухарцев, но и целые «бухарские» волости, управлявшиеся выборным руководством на основе их собственных правовых норм и обычаев [З. С. 38–43; 9. С. 247–248].

Существование словесных судов для бухарцев (равно как для армян и для татар) было подтверждено докладом Сената «О разбирательстве дел третейским судом между индейцами, персиянами, бухарцами, хивинцами и другими заграничными азиятцами, пребывающими в Астрахани», утвержденным императором Павлом I 19 ноября 1800 г. Споры между собой они должны были решать в собственных судах и управах, но если одной из сторон являлся русский, дело рассматривалось в российской судебной инстанции; правда, если одной из сторон являлся бухарец, а другой — иной «инородец», дело рассматривал именно бухарский словесный суд¹¹.

Несомненно, столь пристальное внимание к традиционным и мусульманским органам управления и судам бухарцев в полной мере вписывалось в политику Российской империи по отношению к мусульманским подданным. Имперские власти уже с конца XVIII в. стремились поставить мусульманские административные и судебные институты себе на службу, использовать в качестве проводников собственной политики на «национальных окраинах» и в районах проживания большого числа русско-подданных нехристианского вероисповедания [18. Р. 357].

IV. НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ БУХАРЦЕВ И ИХ ПОСТЕПЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ

Право бухарцев и ташкентцев на собственные органы самоуправления (ратуши и волости) было подтверждено и знаменитым «Уставом об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г., разработанным выдающимся российским государственным деятелем М.М. Сперанским во время его пребывания на посту сибирского генерал-губернатора. Правда, наряду с закреплением этого права бухарцы были окончательно приравнены по статусу к другим «оседлым инородцам», в результате чего их права в области самоуправления не отличались от прав татар и других оседлых народов Сибири, а большинство их льгот, соответственно, отменялось¹². Подобная позиция была связана с тем, что к этому вре-

¹⁰ ПСЗРИ. Т. XXII. СПб., 1830. № 16593. С. 951–952.

¹¹ ПСЗРИ. Т. XXVI. СПб., 1830. № 19656. С. 393–395.

¹² ПСЗРИ. Т. XXXVIII. СПб., 1830. № 29126. С. 394, 399.

мени Российская империя уже установила непосредственные контакты с ханствами Средней Азии, и необходимость в бухарцах как посредниках отпала. К этому времени представители центральных и региональных имперских властей и российских предпринимательских кругов все чаще выражали недовольство привилегированным положением бухарцев, считая, что те, обладая налоговым иммунитетом, имеют несравненно более выгодное положение в торговой сфере, чем их российские коллеги, при этом не внося никакого вклада в развитие государственного благосостояния. Более того, в новых условиях сохранение привилегий для бухарцев автоматически ограничивало возможности российских торговцев, как раз в это время начинавших активно осваивать среднеазиатские рынки. Это давало им повод обращаться к императорам и высшим органам государственной власти с предложениями об отмене льгот для бухарцев [3. С. 29, 35]. Складывавшаяся ситуация нашла отражение в Дополнительном постановлении «Об устройстве гильдий и о торговле прочих сословий» от 14 ноября 1824 г., утвержденном именованным указом императора Александра I: если для российских купцов, входящих в гильдии, предусматривались некоторые новые возможности, то все инородцы (а следовательно — и бухарцы) в своей торговой деятельности по-прежнему должны были руководствоваться положениями «Устава об управлении сибирских инородцев»¹³.

Однако освобожденные от уплаты многочисленных налогов и сборов, равно как и несения повинностей, бухарцы привыкли к своим льготам и со временем стали воспринимать их как неотъемлемую часть своего правового статуса и весьма активно реагировали на попытки российских властей отменить или хотя бы сократить ее.

Первые такие попытки также были предприняты в правление Петра I: именованным указом «О взимании с земель и угодий, принадлежащих бухарцам, таких податей, как и с русских людей, о обложении торговых бухарцев оброком по торгам и промыслам и о записках оброчных денег с в приходные книги» от 28 марта 1698 г., который предписывал сибирскому воеводе князю М.Я. Черкасскому, тобольскому воеводе князю П.М. Черкасскому и подведомственным им дьякам уточнить время прибытия бухарцев в Россию, основания, на которых они владели земельными угодьями, и обложить ежегодным оброком в 2–5 рублей и более в год — в зависимости от размеров землевладения, приравнивая к российским земледельцам, а с бухарских торговцев — взимать те же пошлины, что и с русских «посадских людей». Любопытно, что в указе специально подчеркивалось, что «в вере их бусурманской им свобода, и утеснения и обид никаких им нет...; и того и в самых их бусурманских странах не повелось, чтоб жить пришлому иноземцу такую свободою без всякия дани, и землями б вла-

¹³ ПСЗРИ. Т. XXXIX. СПб., 1830. № 30115. С. 609.

деть и торговать свободно, чего и русским природным его великого государя людем такой свободы и легости не бывает»¹⁴. По-видимому, это был своеобразный «сигнал властям» Средней Азии для изменения их политики в отношении русских купцов-иноверцев; как известно, еще и во второй половине XIX в. этот вопрос был актуален для среднеазиатской политики Российской империи, власти которой многократно предлагали среднеазиатским монархам установить для отечественных торговцев такую же небольшую торговую пошлину, какая взималась с купцов из Средней Азии в российских владениях.

В 1700 г. Петр I издал указ, уточняющий предыдущий: отныне с принадлежащей бухарцам земли предписывалось взимать вместо натурального оброка денежный: с «ржаной» десятины — 6 алтын 4 деньги, с «яровых» — 3 алтына 2 деньги, с сена — по 2 деньги с копны. Однако бухарцы проявили настойчивость, неоднократно подавали челобитные, ссылаясь на ранее полученные льготы и иммунитеты, и добились-таки сокращения ставки налога: 20 июня 1701 г. вышеупомянутым воеводам М. и П. Черкасским был направлен новый именной указ, название которого говорит само за себя — «О взимании с земель, заселенных бухарцами, оброку по 5 алтын в год с десятины засеянной ржаным хлебом и по десяти денег с десятины ярового хлеба»¹⁵. Примечательно, что царь в этом же указе предписал сибирским властям растолковать бухарцам, что «даром землями никто не владеет»¹⁶, т.е. сознавал необходимость обоснования отмены их налогового иммунитета. Таким образом, специфика правового регулирования статуса бухарцев в Российской империи нашла отражение и в том, что при позитивистском характере имперского законодательства в эпоху Петра I и его преемников в соответствующих нормативных актах присутствовали своеобразные «обоснования разумности» тех или иных нормативных предписаний, характерных позднее для естественно-правового подхода [19. С. 238].

Прошло два десятилетия, и бухарцы, похоже, смирились с тем, что они платят «оклад», однако возникла другая проблема: они опасались, что их будут брать в солдаты, и, вместе с представителями сибирских татар, обратились в Камер-коллегию с прошением о том, чтобы их в рекруты не брали. Но если татары обосновывали свою просьбу тем, что несут военную службу в местах своего постоянного проживания (о чем свидетельствовало и их название «служилые татары»), то бухарцы опирались лишь на то, что добровольно прибыли в Россию, приняли подданство и платят положенные налоги. Тем не менее, сенатским указом «О невзятии рекруто Сибирской губернии с бухарцев и служилых сибирских татар» от 23 марта 1724 г. было принято решение, что на сибирских бухарцев, равно как и служилых татар, рекрутские наборы распространяться не

¹⁴ ПСЗРИ. Т. III. СПб., 1830. № 1626. С. 446.

¹⁵ ПСЗРИ. Т. IV. № 1857. С. 169.

¹⁶ Там же. С. 169–170.

будут — на том основании, что именным указом «О сборе рекрут с мордвы, черемис и татар» от 19 января 1722 г. (издание которого и послужило бухарцам и татарам поводом для беспокойства) предписывалось брать в рекруты именно мордву, черемисов (марийцев) и казанских татар, а о сибирских служилых татарах и бухарцах в нем не упоминалось¹⁷.

Итак, права, обязанности и льготы бухарцев в отношении налогов и повинностей, казалось бы, были четко определены. Однако в 1764 г., когда в Сибирь прибыла сенатская комиссия совершенно по другой причине (для проведения расследования дела о взятках региональной администрации), попутно выяснилось, что законно установленные налоги и сборы с бухарцев фактически не взимаются. В высочайше утвержденном докладе Сената «О произведении следствия по взяткам сибирских иногородцев и о положении бухарцев живущих в Сибирской губернии по прошествии льготного времени в оклад против государственных крестьян» от 12 февраля 1764 г. отмечалось, что 800 бухарцев, обложенных оброком, платят всего 78 руб. 46¾ коп. в год, а торговые сборы не платят вообще, ссылаясь на прежние указы о льготах. Сибирским властям предписывалось исправить ситуацию, но, как и в указах Петра I 1698 и 1701 г., рекомендовалось действовать «с употреблением... увещаний», т.е., опять же, достаточно мягко, чтобы не отпугнуть других бухарцев, желающих принять российское подданство¹⁸. Неслучайно в специальном именном указе «О бытии выехавшим и выезжающим в Сибирь для поселения бухарцам и ташкинцам на прежнем основании», направленном сибирскому губернатору генерал-майору Д.И. Чичерину 20 августа 1767 г., Екатерина II подтвердила в целом все права и привилегии бухарцев, дарованные им еще при Петре I¹⁹.

Несмотря на приравнивание бухарцев с 1822 г. по статусу к другим «сибирским иногородцам», особое отношение к ним как налогоплательщикам сохранялось и в дальнейшем. Так, на основании высочайше утвержденного мнения Государственного совета «О правах бухарцев и ташкентцев, обитающих в Западной Сибири» от 12 февраля 1834 г., те из них, кто занимался земледелием, облагались не подушной податью, как русские налогоплательщики, а подымной, т.е. с каждого дома (при этом власти исходили из того, что в среднем каждый «дым» включает 3 «души») ²⁰. Годом позже, еще одним высочайше утвержденным мнением Государственного совета «Об обложении оброчной податью бухарцев и ташкентцев Омской области» от 6 апреля 1835 г., подымная подать была распространена и на тех бухарцев, которые занимались торговлей²¹. Нако-

¹⁷ ПСЗРИ. Т. VII. СПб., 1830. № 4486. С. 272–273. См. также: ПСЗРИ. Т. VI. СПб., 1830. № 3884. С. 483.

¹⁸ ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. № 12041. П. 5 С. 533–534.

¹⁹ ПСЗРИ. Т. XVIII. СПб., 1830. № 13337. С. 971.

²⁰ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. IX. Отд. I. СПб., 1835. № 6802. С. 123.

²¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. X. Отд. I. СПб., 1836. № 8034. С. 299. Впоследствии это положение

нец, в 1854 г. обязанность уплачивать ее была распространена и на тех, кто формально не принадлежал к домовладельцам, т.е. тех, кто батрачил, занимался торговлей, ремеслом и т.д. В отношении же прочих денежных и натуральных земских повинностей они приравнивались к другим «инородцам»²².

Впрочем, особенности политической ситуации время от времени заставляли российские власти пересматривать политику в отношении бухарцев. Так, в 1830-е гг. контакты со среднеазиатскими ханствами были практически прекращены, и для торговли с ними снова оказались востребованы в качестве посредников русско-подданные бухарцы. Это нашло отражение в вышеупомянутом мнении Государственного совета от 12 февраля 1834 г., в соответствии с которым бухарцы могли торговать товарами, ввозившимися ими из Азии, или российскими товарами за пределами империи «без уплаты гильдейских повинностей»; все же операции внутри России они должны были осуществлять на общих основаниях — с уплатой всех сборов и пошлин²³.

Однако за то время, что бухарцы пользовались столь обширными льготами и привилегиями в налоговой сфере, некоторые торговцы сумели сколотить немалые состояния и могли поспорить масштабами деятельности с ведущими русскими купцами. Они сумели создать мощное «лобби» при генерал-губернаторе Западной Сибири, благодаря поддержке которого добились издания сенатского указа «О порядке выдачи паспортов живущим в Западной Сибири бухарцам и ташкентцам» от 29 мая 1858 г., в соответствии с которым бухарцы, состоящие в гильдиях, имели право на получение постоянно действующих паспортов, соответствующих тем, которыми обладали и русские торговцы 1–3 гильдий. Только те, чьи торговые обороты были меньше, по-прежнему должны были получать «плакатные паспорта» (т.е. разовые разрешения) на каждую поездку по торговым делам²⁴.

V. БУХАРЦЫ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мусульманское вероисповедание бухарцев в течение долгого времени никоим образом не противоречило их привилегированному положению в Российской империи. Единственным нюансом являлось указание, в соответствии с вышеупомянутым приговором Сибирского приказа от 11 октября 1703 г., строить мечети для бухарцев на достаточном расстоянии от русских православных

было закреплено в отдельном пункте Правил нового устройства земских повинностей, утвержденных именным указом императора Николая I от 13 июля 1851 г., см.: ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXVI. Отд. I. СПб., 1852. № 25398. Ст. 56, прим. 1. С. 501.

²² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXIX. Отд. I. СПб., 1855. № 28262. С. 511.

²³ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. IX. Отд. I. № 6802. С. 123. См. также: [9, с. 247].

²⁴ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIII. Отд. I. СПб., 1860. № 33129. С. 689.

храмов. Кроме того, этим же законодательным актом устанавливалась «опала и казнь» (т.е. наказание) для тех бухарцев, кто каким-либо образом мешал проведению православных богослужений — «учнут кричать и смехотворение и безчинство и русским людям какую препону и обиду чинить»²⁵.

Период правления императрицы Елизаветы Петровны исследователи не без оснований считают временем наиболее активной христианизации русско-подданных мусульман [16. Р. 194]. 1 мая 1742 г. был издан сенатский указ «О мерах для предохранения новокрещенных иноверцев от обид и разорения», которым была установлена защита для принявших христианство от преследований со стороны их прежних единоверцев²⁶. И хотя в нем не было нормативных положений, непосредственно регламентировавших положение бухарцев, однако тенденцию обращения их в православие этот правовой акт стимулировал.

В правление Екатерины II религиозная политика Российской империи приобрела более толерантный характер [16. Р. 195–196], и в этот период власти (особенно региональные, лучше понимавшие специфику управляемых ими регионов) подходили к вопросу, связанному с распространением православия, весьма осторожно. Так, в 1767 г. вышеупомянутый сибирский губернатор Д.И. Чичерин 11 июля 1767 г. отправил в Санкт-Петербург реляцию, в которой описывал непрофессиональную деятельность православных миссионеров, которые под предлогом обращения в православие местных иноверцев нередко притесняли их. В ответ на это Екатерина II 20 августа направила ему именной указ «О воспрещении проповедникам ездить без дозволения к иноверцам и о строении мечетей на основании прежних резолюций, состоявшихся в 1793 году», в котором запретила подобную практику и подтвердила установленный со времен Петра I принцип о непритеснении бухарцев из-за их принадлежности к исламской религии²⁷.

Однако время от времени возникали вопросы, связанные и непосредственно с переходом представителей бухарской «диаспоры» в христианство. Так, в 1863 г. один сибирский бухарец, перешедший в христианство (и получивший православное имя Василий Шишкин), обратился к властям Западной Сибири с прошением о предоставлении ему средств для переезда на другое место жительства. На основании этого прошения было издано высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О выдаче бухарцам пособия, когда они, по случаю принятия ими христианской веры, должны будут переселиться на новое место жительства», объявленное министром государственных имуществ А.А. Зеленым Сенату 22 мая 1863 г. В соответствии с ним на переходивших в христианство бухарцев распространялись правила, ранее применявшиеся в отно-

²⁵ ПСЗРИ. Т. IV. № 1946. С. 227.

²⁶ ПСЗРИ. Т. XII. СПб., 1830. № 8919. С. 89–96.

²⁷ ПСЗРИ. Т. XVIII. № 13336. С. 970–971.

шении калмыков, также принимавших православие: если переходивший в христианство имел семейство, ему выделялось на переезд 15 руб., одиноким — 8 руб. (именно такую сумму и запросил вышеупомянутый В. Шишкин)²⁸.

VI. ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА БУХАРСКИХ «НЕРЕЗИДЕНТОВ»

В задачи настоящей статьи не входит подробный анализ взаимодействия российских властей с выходцами из Средней Азии, которые не жили в России постоянно, а лишь приезжали в российские земли для ведения торговых дел. Однако считаем целесообразным рассмотреть некоторые аспекты правового статуса таких лиц, поскольку они касались взаимодействия этих торговцев с русско-подданными и влекли важные правовые последствия.

В частности, именованным указом Александра I «Об отводе пастбищ бухарским купцам в удобных местах по берегу реки Урала» от 20 февраля 1803 г. предписывалось предоставлять на безвозмездной основе бухарским караванам пастбища на пути их следования из Бухары в российские пределы²⁹. Любопытно, что пастбища им должны были предоставляться «в лугах на азиатской стороне», т.е., по всей видимости, речь идет о казахских степях, которые российские власти в то время еще не объявили государственной собственностью³⁰. В связи с этим становятся объяснимыми участвовавшие казахские нападения на караваны среднеазиатских купцов [20. Р. 335], поскольку казахи, на тот момент являвшиеся собственниками своей земли, считали себя незаслуженно обиженными подобным указом.

В 1824 г. Комитет азиатских дел по поручению министра финансов разработал и представил Сенату журнал «О взимании с идущих из Оренбурга в Бухарию караванов под прикрытием конвоя по 25 копеек с рубля», впоследствии утвержденный тем же Александром I и представленный Сенату министром финансов Е.Ф. Канкриным 11 декабря 1824 г. Им предусматривалось предоставление вооруженной охраны караванам, следовавшим из Оренбурга в Бухару (правда, как следует из названия журнала, не на безвозмездной основе)³¹. Из текста документа, впрочем, не вполне ясно, касалось ли это только русских караванов, направлявшихся в Среднюю Азию, или распространялось и на бухарские караваны, владельцы которых вели дела в России³².

²⁸ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXVIII. Отд. I. СПб., 1866. № 39654. С. 493.

²⁹ ПСЗРИ. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20623. С. 465.

³⁰ Это случилось лишь в 1840-е гг., когда земли, занимаемые «киргизами», т.е. казахами, были объявлены «частью Всероссийской империи» и переданы в ведение Министерства иностранных дел, см.: Положение об управлении оренбургскими киргизами. СПб., 1844. § 4. С. 7.

³¹ ПСЗРИ. Т. XXXIX. № 30150. С. 650.

³² Как полагает, в частности, Х.З. Зияев [4. С. 101].

Определенные привилегии имелись у приезжих бухарцев также и в семейной сфере, что было закреплено высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 19 января 1827 г. «О дозволении азиатцам, приезжающим в Россию и женившимся на российских подданных, возвращаться в свое отечество, оставляя, однако же, в России тех жен своих и детей, от них прижитых». Теперь если приезжий бухарец женился в России и в браке рождались дети, то в случае возвращения на родину ему разрешалось брать с собой и семейство — единственным условием являлось лишь согласие на то отца и матери жены; выходцам из других среднеазиатских государств подобного права не предоставлялось: в случае отъезда они были обязаны оставить своих русско-подданных жен и потомство от браков с ними в пределах Российской империи (п. 1). Однако если бухарец (равно как другой выходец из Средней Азии) уезжал на родину без семьи, он должен был дать «сказку» (т.е. своеобразную подписку) российским властям о том, что намерен вернуться в течение 2 лет (п. 3). Если он не возвращался, то его брак с русско-подданной супругой считался расторгнутым на том основании, что он в течение длительного времени не заботился о своей семье и не поддерживал ее материально. Отметим, что российские власти, не желая вызывать недовольства мусульман подобными предписаниями, решили обязать имамов, заключающих такие брачные договоры, предусмотреть в них это условие. Правда, жениться они могли только на русских мусульманках: православная, католическая и лютеранская церковь подобные браки запрещали; только евангелическая церковь допускала такие браки — при условии, что супруг-мусульманин не будет заставлять жену менять вероисповедание (п. 2)³³.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по мере налаживания прямых контактов российских властей (как центральных, так и региональных) с ханствами Средней Азии в экономической и политической сфере потребность в посреднической роли «русских» бухарцев все больше и больше отпадала. Соответственно, в глазах и имперских властей, и различных сословий населения империи наличие у бухарцев многочисленных льгот и привилегий перестало выглядеть обоснованным, что и привело к постепенному их «сращиванию» с другими инородцами, в полной мере отразившись на существенной корректировке их статуса в течение XIX в.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода имперские власти своим отношением к бухарцам в России посылали своеобразные «сигналы» правителям среднеазиатских ханств, надеясь, что последние станут предоставлять российским торговцам в Средней Азии такие

³³ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. II. СПб., 1830. № 828. С. 37–38.

же льготы, какие предоставлялись бухарцам в пределах Российской империи. Ошибочность подобного подхода стала очевидна после получения более полного представления об особенностях отношения к международно-правовым нормам и принципам в Средней Азии в результате посольских миссий П. Никифорова, Г.И. Данилевского (Хивинское ханство, 1841–1842 гг.), К.Ф. Бутенева (Бухарский эмират, 1841–1842 гг.) и в особенности Н.П. Игнатьева (Хивинское ханство и Бухарский эмират, 1858 г.).

Участники миссий пришли к обоснованным выводам, что режим благоприятствования, создаваемый выходцам из Средней Азии в России, в глазах восточных монархов выглядит как проявление мягкости и уступчивости, а следовательно — слабости России, и сами они отнюдь не собирались предоставлять ответные льготы русским торговцам в своих владениях. В связи с этим представляется неслучайным, что последние льготы для бухарцев в Российской империи были отменены именно во второй половине 1850-х гг.

Вместе с тем обращает на себя внимание и то, с какой легкостью российские власти соглашались на выезд бухарцев, уже принявших российское подданство или же женившихся на русско-подданных, на родину. Надо полагать, эти мигранты рассматривались ими как своеобразные «агенты влияния», которые могли стать проводниками российской системы правовых ценностей в ханствах Средней Азии. Последующие события подтвердили правильность таких действий: в конце XIX — начале XX вв., т.е. уже после установления протектората Российской империи над Бухарой и Хивой, именно местное купечество, имевшее опыт длительного пребывания в России или постоянных поездок в российские пределы, оказалось наиболее восприимчивым к реформам в среднеазиатских государствах, которые стремились проводить в них имперские власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Burton A.* Bukharan Trade, 1558–1718. Papers on Inner Asia. No. 23. Bloomington, Ind.: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1993. 116 p.
- [2] *Гизатуллин Р.Н.* «Многие бухарцы приезжают сюда пожить на распахку...» (Среднеазиатская диаспора в дореволюционном Троицке) // Гороховские чтения: материалы первой Региональной музейной конференции. 2 ноября 2010 г. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2010. С. 170–174.
- [3] *Зияев Х.* Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: Фан, 1968. 75 с.
- [4] *Зияев Х.З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: Фан, 1983. 168 с.
- [5] *Марганов Ф.Ф.* Роль караванной торговли в возникновении поселений сибирских бухарцев (на примере Юрт Шамшинских Тобольского района Тюменской области) // XV Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 17–18 мая 2012 года). Тюмень: Тюменский государственный ун-т, 2012. С. 98–102.

- [6] Корусенко С.Н. Землевладение и землепользование бухарцев в Сибири: генеалогический ракурс // Известия Алтайского государственного университета. История. 2009. Т. 3. № 4 (65). С. 98–102.
- [7] Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Наука, 2011. 248 с.
- [8] Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII — начале XX века / отв. ред. Миненко Н.А. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2011. 214 с.
- [9] Ишбулдина К.Р. Особенности колониальной политики Российского государства на примере сибирских бухарцев // Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения / под ред. Г.В. Лукьянова, А.Л. Рябинина, С.А. Рагозина, И.А. Артемьева, В.О. Белевцова. М.: Московский государственный образовательный комплекс, 2016. С. 245–252.
- [10] Ишбулдина К.Р. Роль сибирских бухарцев в формировании властного пространства Западной Сибири // Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 26–31.
- [11] LeDonne J.P. *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 261 p.
- [12] LeDonne J.P. Geopolitics, Logistics, and Grain: Russia's Ambitions in the Black Sea Basin, 1737–1834 // *The International History Review*. 2006. Vol. 28. Issue. 1. P. 1–41.
- [13] Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. М.В. Антонова; Под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.
- [14] Burton A. Marchands et négociants boukhares, 1558–1920 // *Cahiers d'Asie centrale*. 1998. 5/6. P. 37–62
- [15] Onuma T. The Development of the Junghars and the Role of Bukharan Merchants // *Journal of Central Eurasian Studies*. 2011. Vol. 2. P. 83–100.
- [16] Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 304 p.
- [17] LeDonne J.P. Russian Governors General, 1775–1825: Territorial or Functional Administration? // *Cahiers du Monde russe*. 2001. Vol. 42. Issue. 42/1. P. 5–30.
- [18] Spannaus N. Formalism, Puritanicalism, Traditionalism: Approaches to Islamic Legal Reasoning in the 19th-Century Russian Empire // *The Muslim World*. 2014. Vol. 104. Issue 3. P. 354–378.
- [19] Юридическая герменевтика в XXI веке / под ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. 440 с.
- [20] LeDonne J.P. Outlines of Russian Military Administration 1762–1796: Part I: Troop Strength and Deployment // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1983. Bd. 31. H. 3. P. 321–347.

© Почекаев Р.Ю., 2017

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Почекаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, профессор, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург.

Контактная информация:

e-mail: ropot@mail.ru

EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF BUKHARANS IN RUSSIAN LEGISLATION OF THE 18TH–19TH CC.

R.Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics — Saint-Petersburg
Law Faculty
17, Promyshlennaya st., Saint-Petersburg, Russia, 198099

Author analyzes the legal status of “Bukharans”, i.e. immigrants to Russia from the Central Asia who took out citizenship of the Russian Empire or constantly arrived for trading. This category of population began to form already at the first half of the 17th c. And during the 18th–19th cc. they had numerous advantages and privileges as were the principal mediators in relations of Russia with Central Asian states. So, they had tax immunity, liberation from the military service and other duties, right to establish own municipal structures (city councils and districts — *volosty*). Also they had own courts acted on the base of Islamic and customary law and were put on imperial trial only in special cases. Bukharans also were not forced to convert to Christianity although this action was welcomed by Russian authorities and there were not any limitations because their Islamic religion. Some privileges were established also for Bukharans who traveled to Russia as traders (using Russian guards for caravans, possibility to marry Russian subjects and take them to Bukhara, etc.). Then the importance of Bukharans in relations of Russia and Central Asia decreased and it was reflected on diminution of their privileges: the taxes were levied upon them and, at last, Bukharans were equated to non-Russian imperial subjects (*inorodtsy*) with all their rights and obligations. But this policy was gradual and all measures of the Russian authorities were explained for Bukharans in special legal acts. The policy of imperial authorities towards Bukharans is analyzed on the base of the Complete Collection of the Laws of the Russian Empire.

Key words: Russian Empire; Central Asia; Bukharans; Complete Collection of the Laws of the Russian Empire; tax immunity; custom duties; local government

REFERENCES

- [1] Burton A. *Bukharan Trade, 1558–1718*. Papers on Inner Asia. No. 23. Bloomington, Ind.: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies; 1993. 116 p.
- [2] Gizatullin RN. “Mnogie bukhartsy priezzhayut syuda pozhit' na raspashku...” (Sredneaziatskaya diaspora v dorevolyutsionnom Troitske) [Many Bukhara come here to live the high life... "(Central Asian diaspora in the pre-revolutionary Troitsk)]. In: *Gorokhovskie chteniya* [Gorokhovo Readings]. *Proceedings of the 1st Regional Museum, 2010, 2 November, Chelyabinsk*. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzej; 2010. p. 170–174. (In Russian).
- [3] Ziyaev Kh. *Uzbeki v Sibiri (XVII–XIX vv.)* [Uzbeks in Siberia (XVII–XIX centuries)]. Tashkent: Fan; 1968. 75 p. (In Russian).
- [4] Ziyaev KhZ. *Ekonomicheskie svyazi Srednei Azii s Sibir'yu v XVI–XIX vv.* [Economic relations of Central Asia with Siberia in XVI–XIX centuries]. Tashkent: Fan; 1983. 168 p. (In Russian).
- [5] Marganov FF. Rol' karavannoi trgovli v vozniknovenii poselenii sibirskikh bukhartsev (na primere Yurt Shamshinskikh Tobol'skogo raiona Tyumenskoi oblasti) [The role of the cara-

- van trade in the event of settlement of the Siberian Bukhara (for example, Yurt Shamshinskih Tobolsk region of the Tyumen province)]. In: *XV Suleimanovskie chteniya* [XV Suleymanovskie reading]. *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, 2012, May 17–18, Tyumen*. Tyumen: Tyumenskii gosudarstvennyi un-t; 2012. P. 98–102. (In Russian).
- [6] Korusenko SN. Land Tenure and Land Use by the Siberian Bukharians: Genealogical Perspective. *Izvestiya of Altai State University. History*. 2009;3(4(65)):98–102. (In Russian).
- [7] Korusenko SN. *Sibirskie bukhartsy v nachale XVIII veka* [Siberian Bukhara at the beginning of the XVIII century]. Omsk: Nauka; 2011. 248 p. (In Russian).
- [8] Bakieva GT. *Obychai i zakon. Ocherki pravovoi kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX veka*. [The custom and the law. Essays of the legal culture of the Siberian Tatars in XVIII - the beginning of the XX century]. Minenko NA, editor. Novosibirsk: "Geo" Publ.; 2011. 214 p. (In Russian).
- [9] Ishbuldina KR. Osobennosti kolonial'noi politiki Rossiiskogo gosudarstva na primere sibirskikh bukhartsev [Features of the colonial policy of the Russian state on the example of Siberian Bukharians]. In: Luk'yanov GV, Ryabinin AL, Ragozina SA, Artem'ev IA, Belevtsov VO. (eds.) *Vlast' i nasilie v nezapadnykh obshchestvakh: problemy teoreticheskogo osmysleniya i opyt prakticheskogo izucheniya: sbornik statei* [Power and violence in non-western societies: problems of theoretical understanding and practical experience of study]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi obrazovatel'nyi kompleks; 2016. p. 245–252. (In Russian).
- [10] Ishbuldina KR. Rol' sibirskikh bukhartsev v formirovanii vlastnogo prostranstva Zapadnoi Sibiri [The role of the Siberian Bukhara in the formation of the powerful areas of Western Siberia]. In: *Lavrovskii sbornik: Materialy XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii; 2014–2015. Etnologiya, istoriya, arheologiya, kul'turologiya* [Lavrovskii collection: Articles XXXVIII and XXXIX of the Central Asian-Caucasus readings, 2014-2015. Ethnology, history, archeology, cultural studies]. Saint Petersburg: MAE RAN; 2015. p. 26–31. (In Russian).
- [11] LeDonne JP. *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650-1831*. Oxford: Oxford University Press; 2004. 261 p.
- [12] LeDonne JP. Geopolitics, Logistics, and Grain: Russia's Ambitions in the Black Sea Basin, 1737–1834. *The International History Review*. 2006;28(1):1–41. doi:10.1080/07075332.2006.9641086.
- [13] Ehrlich E. *Grundlegung der Sociologie des Rechts*. München, Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot; 1913. 432 s. (In German). [Rus. ed. Ehrlich E. *Osnovopolozhenie sotsiologii prava*. Grafskii VG, Grevtsov YuL., editors. Saint Petersburg: Universitetskii izdatel'skii konsortsium; 2011. 704 p.]
- [14] Burton A. Marchands et négociants boukhares, 1558–1920. *Cahiers d'Asie centrale*. 1998;5/6:37–62.
- [15] Onuma T. The Development of the Junghars and the Role of Bukharan Merchants. *Journal of Central Eurasian Studies*. 2011;2:83–100.
- [16] Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press; 2002. 304 p.
- [17] LeDonne JP. Russian Governors General, 1775–1825: Territorial or Functional Administration? *Cahiers du Monde russe*. 2001;42(42/1):5–30. doi:10.4000/monderusse.80.
- [18] Spannaus N. Formalism, Puritanicalism, Traditionalism: Approaches to Islamic Legal Reasoning in the 19th-Century Russian Empire. *The Muslim World*. 2014;104(3):354–378. (In English). doi:10.1111/muwo.12059.
- [19] Tonkov EN, Vetyutnev YuYu, editors. *Yuridicheskaya germeneytika v XXI veke* [Legal hermeneutics in the XXI century]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2016. 440 p. (In Russian).

- [20] LeDonne JP. Outlines of Russian Military Administration 1762–1796: Part I: Troop Strength and Deployment. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1983;31(3):321–347.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Pochekaev Roman Yu. — Candidate of Legal Sciences, Professor, Associate professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics — Saint-Petersburg.

Contact information:

e-mail: ropot@mail.ru